

Анна Петровна Долгарева родилась в Харькове. Окончила Харьковский национальный университет им. В.Н. Карамзина, химический факультет. Поэтесса, писательница, журналист. В 2015–2017 годах работала военным корреспондентом в Донецкой и Луганской народных республиках. Член Союза писателей России, Союза писателей Луганской Народной Республики. По первому образованию химик, по второму политолог. Тексты переводились на немецкий и сербский языки.

Анна Долгарева

ИСТОРИЯ ОДНОГО СТРАНСТВИЯ

СОРОКА-БЕЛОБОКА

выходишь к озеру, затягиваешь длинно,
тянется песня, не песня — клочок.
осень пришла, налилась калина,
так и тянет потрогать.

сплетишь венок, наденешь, аки корону,
чем я не красавица, не царица?
мох зеленый сбегает к воде по склону,
паутина в пальцах сосенок серебрится.

Сорока, сорока,
Была белобока,
Кашку варила,
Деток кормила.

через двенадцать ножей перекинись
в подполе
так, чтобы выломало спину.
со зреньем иным очнешься, крича от боли,
среди банок, хранящих огурцы и малину.

лети-лети на север, где дня почти не осталось,
где склонились к земле набрякшие травы,
лети-лети на север, мене, текед, фарес,
лети-лети, ничего не исправишь.

Этому дала, этому дала, этому дала,
этому дала,
А этому не досталось:

Он сам мал,
Крупы не брал,
По воду не ходил,
Воды не носил,
Дрова не рубил,
Печки не топил.

это не дым из трубы, это призраки, тени,
чего ты приходишь, маленький, чего тебе надо,
расскажу тебе сказку, полную приключений,
положу на окно кусочек молочного шоколада.

Иди, малый, по водицу
На холодную криницу.
Тут пень, тут колода,
Тут мох, тут болото,
Тут холодная водица.

...и никто не вернулся, никто никогда не вернулся.

* * *

Собрала яблоки, а они сгнили.
Или неправильно хранила, или
Некому было есть.
Дом мой пуст. Дом мой вообще не здесь.

В детстве собирали подсолнухи и орехи,
Складывали на балконе. В эфире помехи,
Не дозвониться.
Семечки из подсолнуха сыпала птицам.

Мама, возьми трубку. Не слышит — на даче.
То, что живы, — вообще большая удача.
Не жалуйся, могло быть и хуже.
Некому меня домой позвать со двора на ужин.

Яблоки мои, яблоки, катитесь по блюдцу.
Катятся и смеются:
«Зеркало в пустой квартире покроется пылью,
Унесли тебя гуси-лебеди на белых крыльях».

* * *

Кто сукин сын, а кто там лучший сын,
Рассудят позже, и вопросец зряшен.
Несет меня лиса за синь
Небесных городов и пашен,

Туда, где, отрицая смерть и ад,
Меж камышами — крыльев плеск утиных,

Туда, где отразился Китеж-град
Среди коряг и тины.

И ветви яблони касаются травы,
И яблоки краснеют, зазывая.
И мертвая вода Невы,
И Ладоги живая.

Ни брошенного нет, ни мертвеца.
Мы все живые, никакой морали.
...Но в переходе — без ноги пацан
Поет «На поле танки грохотали».

Ведь мы поем, когда нам хочется орать,
И бить стекло, и резаться краями.
И будет новый день, и будет рать.
На том стояли,

Как в Петербурге каменные львы
Стоят среди проспектов тесных.
И мертвая вода Невы-
Сказанной песни.

ИСТОРИЯ ОДНОГО СТРАНСТВИЯ

1

Мне нравилась ведунья Февронья,
стоявшая у города Ласково
в обнимку с князем Петром, и я
кормила там котов ласковых.

В магазине покупала им вискас,
кормила, собак отгоняла,
и ехать оттуда мне было близко,
но машин было мало.

Ловила, а они не ловились,
и стояла ведунья Февронья,
и тучи над лесом вились,
над золотым межсезоньем.

И было счастье такое —
пока холода не настали,
и сердце мое в покое,
спрятанное от печали

под золотыми листьями,
упавшими в городе Ласково,
и коты провожали — с лицами
людскими, ласковыми.

Ночевали при храме, ели яблоки и печенье,
запинаясь на старославянском, читали псалмы,
я не то чтобы вдруг загорелась каким-то учением,
но хотелось согреться в преддверье зимы.

Потому что я долго бродила и очень устала,
потому что замерзла и просто хотелось-то мне,
чтобы на Покрова словно спрятаться под одеялом.
чтоб со смертью остаться не наедине.

а про любовь — не знаю, нет, не знаю,
я очень долго ехала обратно,
размытые деревни за окном
сливались просто в русскую дорогу,
и наклонялись тонкие березы,
и пролетали синие болота.
пусть так и будет: если мне в дорогу,
то непременно в сумерки и дождь.
а про любовь — не знаю, нет, не знаю.

но голое мое живое сердце
на Покрова укрылось в одеяло,
и стало так не холодно ему.

* * *

Пробирались через бурелом на границе с Карелией,
еле пройдешь: густая трава, изломанные деревья,
и черничники какие-то невероятные, ягоды так и висят,
крупные, наливные и густо-густо.
Словно это какой-то заколдованный райский сад,
а не продираешься по лесу с шумом и хрустом.

И так, конечно, хотелось остановиться, набрать ее в горсть,
чтобы полон рот был этого кисловатого сока,
но Саша подгонял, и трещали ветки, как кость,
надо было выбраться, так и не попробовала нисколько.

В восемнадцатом году я вернулась с войны,
из степей, полных горячего ветра,
проехала две тысячи километров,
но не был домом мой дом, и моими не были мои сны.

А потом поехала на случайную тусу на Ладого,
и пока народ общался на тему какой-то йоги,
я села посреди черники, вымазала штаны — и ладно,
и никого не замечала до самой обратной дороги.

И были у меня только озеро да черника,
восковые ее листочки да вкус знакомый,
и было звучание прибоя и птичьего крика,
и я была дома.